

Станюкович Константин Михайлович

**Вокруг света на
"Коршуне"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Михайлович С.**
Вокруг света на "Коршуне" / Станюкович Константин Михайлович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 560 с.

ISBN 978-5-519-75304-3

Сцены из морской жизни

ISBN 978-5-519-75304-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

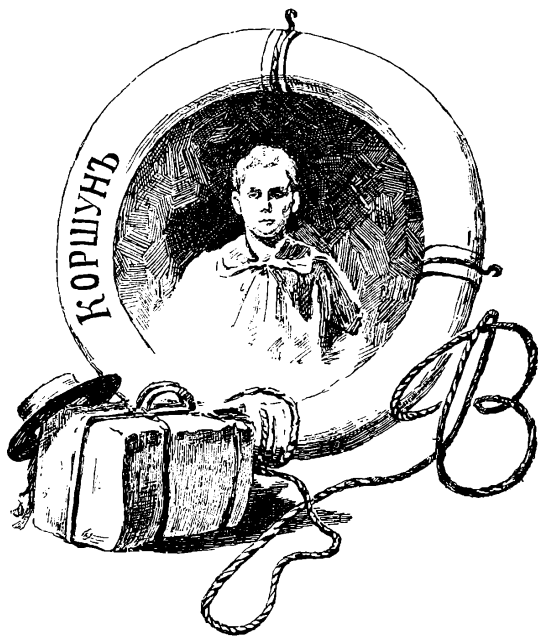
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Неожиданное назначеніе.

I.

ь одинъ сумрачный, ненастный день, въ началѣ октября 186* года, въ гардемаринскую роту морского кадетска-

го корпуса неожиданно вошелъ директоръ, старый, необыкновенно простой и добродушный адмиралъ, котораго кадеты нисколько не боялись, хотя онъ и любилъ иногда прикинуться строгимъ и сердито хмурилъ густыя, нависшія и сѣдые свои брови, жуя какого-нибудь отчаяннаго шалуна. Но добрый взглядъ маленькихъ выпѣвшихъ глазъ выдавалъ старика, и онъ никого не пугалъ.

Сѣменя разбитыми ногами, директоръ, въ сопровожденіи поспѣшившаго его встрѣтить дежурнаго офицера, прошелъ въ залу старшаго, выпускного класса и, поздоровавшись съ воспитанниками, ставшими во фронтъ, подошелъ къ од-

племяннику... Не даромъ онъ непремѣнно хотѣлъ сдѣлать изъ него моряка.

«Ахъ, дядюшка!» мысленно произнесъ Ашанинъ далеко не ласково.

— Вѣроятно, дядюшка, ваше превосходительство! — отвѣчалъ юноша директору.

— Ну, братецъ, черезъ три дня ты долженъ быть въ Кронштадтѣ и явиться на корветъ! — продолжалъ директоръ. — А теперь иди скорѣй домой, проводи эти дни съ матушкой. Вѣдь на три года разстанетесь... Вѣрно, командиръ корвета тебя еще отпуститъ... А мы тебя, молодца, снарядимъ. Тебѣ дадутъ все, что слѣдуетъ, — и платья и бѣлья казеннаго, цѣлый сундукъ увезешь... А какъ произведутъ въ гардемарины ¹⁾, самъ обмундируешься... Ну, пока до свиданія. Смотри, зайди проститься со своимъ директоромъ... Ты хоть и большой былъ «школа», и мы съ тобой, случалось, ссорились, а все-таки, надѣюсь, ты не вспомнишь старика лихомъ! — прибавилъ съ чувствомъ директоръ, улыбаясь своею ласковою улыбкой.

Съ этими словами онъ ушелъ.

Многіе товарищи поздравляли Ашанина и называли счастливецомъ. На цѣлые шесть мѣсяцевъ раньше ихъ онъ вырывался на свободу. Гдѣ только не побываетъ? Какихъ странъ не увидитъ! И, главное, не будетъ его болѣе зудить «лукавый царедворецъ», какъ называли кадеты своего ротнаго командира, обращавшаго особенное и едва ли не преимущественное вниманіе на внѣшнюю выправку и хорошія манеры будущихъ моряковъ. Отличавшійся необыкновенною любезностью обращенія — хотя далеко не мягкій человѣкъ — и вкрадчивостью, онъ за это давно уже получилъ почему-то прозвище «лукаваго царедворца» и не пользовался расположеніемъ кадетъ.

¹⁾ Въ тѣ времена по окончаніи курса выпускали не прямо въ мичмана, а на два года въ гардемарины. Жалованье было то же, что мичману.

Черезъ четверть часа нашъ «счастливецъ поневолю», переодѣвшись въ парадную форму, уже летѣлъ во весь духъ въ подбитой вѣтромъ шинелькѣ и съ неуклюжимъ киверомъ на головѣ на Англійскій проспектъ, гдѣ въ небольшой уютной квартиркѣ третьяго этажа жили самыя дорогія для него на свѣтѣ существа: мать, старшая сестра Маруся, братъ Костя, четырнадцатилѣтній гимназистъ, и ветхая старушка-няня Матрена съ большимъ носомъ и крупною бородавкой на морщинистой и старчески-румяной щекѣ.

Ахъ, сколько разъ потомъ въ плаваніи, особенно въ непогоды и штормы, когда корветъ, словно щепку, бросало на разсвирѣпѣвшемъ сѣдомъ океанѣ, палуба убѣгала изъ-подъ ногъ, и грозные валы перекатывались черезъ бакъ ¹⁾, готовые смыть неосторожного моряка, вспоминалъ молодой человекъ съ какою-то особенною жгучею тоской всѣхъ своихъ близкихъ, которые были такъ далеко-далеко. Какъ часто въ такія минуты онъ мысленно переносился въ эту теплую, освѣщенную мягкимъ свѣтомъ висячей лампы, уютную, хорошо знакомую ему столовую съ большими старинными часами на стѣнѣ, съ нѣсколькими гравюрами и старымъ дубовымъ буфетомъ, гдѣ всѣ въ сборѣ за круглымъ столомъ, на которомъ поетъ свою пѣсенку большой пузатый самоваръ, и, вѣрно, вспоминаютъ своего родного странника по морямъ. И всѣ спокойно сидятъ на неподвижныхъ стульяхъ, а если и встанутъ, то пойдутъ по-человѣчески, по ровному, неподвижному полу, не боясь растянуться со всѣхъ ногъ и не выдѣлывая ногами разныхъ гимнастическихъ движеній для сохраненія равновѣсія. Комната не кружится, ничто въ ней не качается и ничто въ ней не «принайтовлено» ²⁾. Окна большія, а не маленькій, наглухо задранный (за-

¹⁾ Бакъ—передняя часть судна.

²⁾ Принайтовить—привязать.

крытый) иллюминаторъ ¹⁾, обмываемый пѣнистою волной. Какъ хорошо въ этой столовой и какъ неудержимо хотѣлось въ такія минуты «трепки» очутиться тамъ!

II.

Когда Володя пришелъ домой, всѣ домашніе были въ гостинной.

Мать его, высокая и полная женщина, почти старушка, съ нѣжнымъ и кроткимъ лицомъ, сохранившимъ еще слѣды былой красоты, въ сбившемся, по обыкновенію, чуть-чуть на бокъ черномъ кружевномъ чепцѣ, прикрывавшемъ темные, начинавшіе серебриться волосы, какъ-то особенно горячо и порывисто обняла сына послѣ того, какъ онъ поцѣловалъ эту милую бѣлую руку съ красивыми длинными пальцами, на одномъ изъ которыхъ блестѣли два обручальныя кольца. Она, видимо, была разстроена, и ея большіе бархатистые черные глаза были красны отъ слезъ. Хорошенькая Маруся, брюнетка лѣтъ двадцати, съ роскошными косами, обыкновенно веселая и свѣтлая, какъ вешнее утро, была сегодня грустна и задумчива. Костя, долговязый и неуклюжій подростокъ въ гимназической курткѣ, съ торчащими вихрами, глядѣлъ на брата съ какимъ-то боязливымъ почтеніемъ и въ то же время съ грустью. А старая няня Матрена, уже успѣвшая обнять и пожалѣть своего любимца въ прихожей, стояла у дверей простоволосая, понурая и печальная, съ любовно устремленными на Володю маленькими слезящимися глазками.

Одно только лицо въ гостинной совсѣмъ не имѣло скорбнаго вида—напротивъ, скорѣе веселый и довольный.

Это былъ дядюшка-адмиралъ, старшій братъ покойнаго Ашанина, вѣрный другъ и пѣстунъ, и главная поддержка

¹⁾ Иллюминаторъ—небольшое окно въ каютѣ изъ очень толстаго стекла.

семьи брата—маленькій, низенькій совѣтъ сухенькій старичокъ съ гладко выбритымъ морщинистымъ лицомъ, коротко остриженными усами щетинкой и небольшими, необыкновенно еще живыми и пронзительными глазами, глубоко сидящими въ своихъ впадинахъ. Его остроконечная голова, схожая съ грушей, казалась еще острѣе отъ старинной прически, которую онъ носилъ, въ видѣ возвышавшагося, словно пѣтушій гребешекъ, кока надъ большимъ открытымъ лбомъ. Онъ былъ въ старенькомъ, потертомъ, но замѣчательно опрятномъ сюртукѣ, застегнутомъ, по тогдашней формѣ, на всѣ пуговицы,—съ двумя черными двуглавыми орлами¹⁾, вышитыми на золотыхъ погонахъ. Большой крестъ Георгія третьей степени, полученный за Севастополь, бѣлѣлъ на шеѣ, другой—Георгій четвертой степени, маленькій, за 18 морскихъ кампаній—въ петлицѣ.

Заложивъ обѣ руки назадъ и нѣсколько горбя, по привычкѣ моряковъ, спину, онъ ходилъ взадъ и впередъ по гостиной легкою и быстрою походкой, удивительно въ этомъ 65-тилѣтнемъ старикѣ. Во всей его сухой и

¹⁾ Два орла означаютъ второй адмиральскій чинъ—чинъ вице-адмирала.

подвижной фигуркѣ чувствовались живучесть, энергія и нетерпѣливость сангвинической натуры. Онъ по временамъ бросалъ быстрые взгляды на присутствующихъ и, казалось, не обращалъ особеннаго вниманія на ихъ подавленный видъ.

— Вы, конечно, уже знаете, мамаша о моемъ назначеніи?.. Я просто изумленъ! — взволнованно проговорилъ Володя.

— Сейчасъ Яковъ Ивановичъ мнѣ сказалъ. И такъ это неожиданно... И такъ скоро уходитъ корветъ! — грустно проговорила мать, и слезы брызнули изъ глазъ.

Володя направился поздороваться съ дядей, который дарилъ всегда особеннымъ ласковымъ вниманіемъ своего любимца и крестника.

Маленькій адмиралъ круто остановился, стиснулъ руку племянника и, притянувъ его къ себѣ, поцѣловалъ.

— Это вы, дядя, устроили мнѣ такой сюрпризъ?

— А то кто же? Конечно, я! — весело отвѣчалъ старикъ, видимо любясь своимъ племянникомъ, очень походившимъ на покойнаго любимаго брата адмирала. — Третьяго дня встрѣтился съ управляющимъ морскимъ министерствомъ, узналъ, что «Коршунъ» идетъ въ дальній вояжъ¹⁾, и попросилъ... Хотя и не люблю я за родныхъ просить, а за тебя попросилъ... да... Спасибо министру, уважилъ просьбу. И ты, конечно, радъ, Володя?

— Признаться, совсѣмъ даже не радъ, дядя.

— Что!? Какъ? Да ты въ своемъ ли умѣ!? — почти крикнулъ адмиралъ, отступая отъ Володи и взглядывая на него своими внезапно загорѣвшимися глазками, какъ на человека, дѣйствительно лишившагося разсудка. — Тебѣ выпало рѣдкое счастье поплавать смолodu въ океанахъ, сдѣлаться дѣльнымъ и бравымъ офицеромъ и повидать свѣтъ, а ты

¹⁾ Моряки стараго времени называли кругосвѣтныя плаванія — дальнимъ вояжемъ.

не радъ... Дядя за него хлопоталъ, а онъ... Не ожидалъ я этого, Володя... Не ожидалъ... Что жъ ты хочешь сухопутнымъ морякомъ быть, что ли?.. У маменьки подъ юбкой все сидѣтъ?—презрительно кидалъ онъ.

— Да вы не сердитесь дядя... Позвольте сказать...

— Что еще говорить больше?.. Ужъ ты довольно разодолжилъ. Срамъ! Покорно благодарю!..

Съ этими словами адмиралъ низко поклонился и даже шаркнулъ своею маленькою ножкой и тотчасъ же продолжалъ:

— А я-то, старый дуракъ, думалъ, что у моего племянника въ головѣ кое-что есть, что онъ, какъ слѣдуетъ, молодчина, на своего отца будетъ похожъ, а онъ... скажите, пожалуйста!.. «Совсѣмъ даже не радъ!»... Чему жъ вы были бы рады-съ? Что жъ вы молчите-съ?... Извольте объяснить-съ, почему вы не рады-съ?—горячился и кричалъ старикъ, переходя на «вы» и уснащая свою рѣчь частіцами «съ», что было признакомъ его неудовольствія.

— Да вы не даете мнѣ слова сказать, дядя.

— Я слушаю... извольте говорить-съ.

— Я, видите ли, дядя... Я, собственно говоря...

И Володя, нѣсколько смущенный при мысли, что то, что онъ скажетъ, совсѣмъ огоршитъ дядю и, пожалуй, огорчитъ еще болѣе, невольно замялся.

— Ну, что жъ... Я пока ничего не вижу... Не мямли!—нетерпѣливо сказалъ маленькій адмиралъ.

— Я имѣлъ намѣреніе послѣ выхода изъ корпуса поступить въ университетъ и...

— И потомъ сдѣлаться чиновникомъ... строчить бумаги?.. Чернильной душой быть, а?—перебилъ дядя-адмиралъ, казалось, вовсе не огорошенный словами племянника и даже не всплывшій еще сильнѣе при этомъ извѣстии, а только принявшій ироническій тонъ. — То-го сейчасъ Марья Петровна говорила... Володя не любитъ моря... Во-

лодя хочетъ въ университетъ, а потомъ строкулистомъ... Ай да карьера! Или, можетъ-быть, министромъ собираешься быть?.. Какимъ вѣдомствомъ полагаете управлять, ваше превосходительство? — насмѣшливо обратился старикъ къ Володѣ.

И, снова мѣняя тонъ, адмиралъ продолжалъ:

— Вздоръ... Глупости... Блажь! Я не хочу и слышать, чтобы ты былъ чиновникомъ... И не слыхалъ, ничего не слыхалъ... Ты будешь морякомъ. И твой покойный отецъ этого хотѣлъ, и я этого желаю... слышишь? Ты полюбишь море и полюбишь морскую службу... Она благородная, хорошая служба, а моряки прямой, честный народъ... Этихъ разныхъ тамъ береговыхъ «финти-фантовъ» да дипломатическихъ тонкостей не знаютъ... Съ моремъ нельзя, братъ, криводушничать... Къ нему не подольстишься... Это все на берегу учатся этимъ пакостямъ, а въ океанѣ надо имѣть смѣлую душу и чистую совѣсть... Тогда и смерть не страшна... Какой ты строкулистъ? Ты и теперь настоящій морякъ, а вернешься такимъ лихимъ мичманомъ, что чудо... И чего только не увидишь?.. Ну, довольно объ этомъ... Черезъ двѣ недѣли мы тебя всѣ проводимъ... Не такъ ли?

— Какъ же иначе, дядя! — отвѣчалъ Володя, задѣтый за живое словами дядя и уже соблазненный кругосвѣтнымъ плаваніемъ.

— И ты не будешь трусить?.. Бабой не станешь? Не осрамишь дядю?

— Надѣюсь, ни себя, ни васъ, — отвѣчалъ, весь вспыхивая, юноша.

— Ишь загорѣлся!.. Ишь стали отцовскіе глаза! Эхъ ты, славный и смѣлый мальчикъ! — дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ адмиралъ и, сразу смягчившійся и повеселѣвшій, быстрымъ движеніемъ руки привлекъ къ себѣ Володю, горячо обнявъ его и такъ же быстро оттолкнувъ, словно бы стыдясь при всѣхъ обнаруживать ласку.